

## Модально-эвиденциальные стратегии предбудущего в языках Европы: анкетирование и корпусные данные

© 2019

Яна Андреевна Пенькова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия; amoena@inbox.ru

**Аннотация:** Настоящая работа посвящена семантике форм предбудущего в языках Европы в контекстах референции к прошлому. Исследование основано на данных параллельных корпусов НКРЯ и анкетировании и выполнено на материале нескольких европейских языков, включающих романские (итальянский, французский и румынский), немецкий, балтийские (литовский и латышский), балканские славянские (болгарский, сербохорватский и чакавский диалект сербохорватского), а также албанский и новогреческий. В результате исследования выявлен широкий диапазон модально-эвиденциальных стратегий предбудущего: презумптив, инферентив, эндофорическая эвиденция и передача неосознаваемых действий, игноратив, миратив и дубитатив. Эти стратегии развиваются на основе способности предбудущего передавать эпистемическую дистанцию. Набор стратегий, по-видимому, универсален для всех рассмотренных языков. Более типично для предбудущего употребляться в эндофорических контекстах и для передачи неосознанных действий, а также в качестве маркера личной непрямой эвиденции в презумптивных и инферентивных контекстах, менее типично — в миративных и дубитативных контекстах.

**Ключевые слова:** балканские языки, балтийские языки, будущее время, европейский ареал, предбудущее, романские языки, славянские языки, таксис, эвиденциальность, эпистемическая модальность

**Благодарности:** Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 17-34-01061-ОГН «Славянское второе будущее в типологической перспективе».

**Для цитирования:** Пенькова Я. А. Модально-эвиденциальные стратегии предбудущего в языках Европы: анкетирование и корпусные данные. *Вопросы языкознания*, 2019, 6: 7–31.

DOI: 10.31857/S0373658X0007544-7

## Modal and evidential strategies for future anterior in European languages: Questionnaire and corpus data

Yana A. Penkova

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences,  
Moscow, Russia; amoena@inbox.ru

**Abstract:** The paper is dedicated to the semantics of future anterior with reference to the past in European languages. The study is based on the data from parallel corpora and on the questionnaire. Data from several European languages, such as Romance (French, Italian and Romanian), German, Baltic (Lithuanian and Latvian), Balkan Slavic (Bulgarian, Bosnian-Croatian-Serbian and its Čakavian dialect), Greek and Albanian, are taken into account. As a result, a wide range of different modal-evidential strategies of future anterior was identified, namely presumptive, inferential, ignorative, endophoric and unconscious, mirative and dubitative. They all develop from the epistemic source, viz. from the ability of the future anterior to express epistemic distance. It is more typical for the future anterior to be used as a marker of personal indirect evidence in presumptive, inferential, unconscious and endophoric contexts, but less typical in mirative and dubitative contexts.

**Keywords:** Balkan languages, Baltic, epistemic modality, European area, evidentiality, future, future anterior, Romance, Slavic, taxis

**Acknowledgements:** The research is supported by the Russian Foundation for Basic Research, project 17-34-01061-OGN “Slavic future anterior in the typological perspective”

**For citation:** Penkova Y. A. Modal and evidential strategies for future anterior in European languages: Questionnaire and corpus data. *Voprosy Jazykoznanija*, 2019, 6: 7–31.

**DOI:** 10.31857/S0373658X0007544-7

## 1. Вводные замечания

В языках европейского стандарта типична структура, объединяющая в себе показатели референции к будущему и таксиса (предшествования) и имеющая базовое значение предшествования моменту референции в будущем, — предбудущее (или второе будущее), например:

(1) ФРАНЦУЗСКИЙ [НКРЯ]

*Alors ce sera merveilleux quand tu m'auras* [иметь.AUX.FUT.2SG] *apprivoisé* [приручить.PTCP]! [Antoine de Saint-Exupéry. *Le petit prince* (1942)]

*И как чудесно будет, когда ты меня приручишь!* [Антуан де Сент-Экзюпери. *Маленький принц* (Нора Галь, 1959)]

О семантике предбудущего в отдельных европейских языках существует довольно обширная литература, тогда как о его связях с другими категориями в широком типологическом контексте на сегодняшний день известно чрезвычайно мало. Это объясняется тем, что предбудущее не привлекало специального внимания, поскольку его значение признавалось чисто композиционным (см. обзор литературы в [Пенькова 2018a]). В последние годы появляются работы, в которых делаются попытки описать разнообразие некомпозиционных значений предбудущего и наметить некоторые типологические тенденции в этой области [Пенькова 2016; 2017; 2018a; Сичинава 2018; Сичинава, в печати]. В частности, в работе Я. А. Пеньковой [2018a] исследована грамматикализация предбудущего в истории славянских и некоторых других древних европейских языков. Предбудущему в современных романских языках посвящено еще не опубликованное исследование Д. В. Сичинавы [в печати].

Интерес к семантике предбудущего во многом обусловлен его склонностью к развитию вторичных употреблений. Помимо значения результативности / предшествования в будущем, предбудущее легко приобретает вторичные значения и дискурсивные функции, спектр которых при ближайшем рассмотрении оказывается довольно широким и безусловно заслуживает отдельного исследования. В грамматических описаниях, упоминающих предбудущее, как правило, помимо базового значения ‘результативности / предшествования / завершенности в будущем’ (1), у форм предбудущего отмечается способность называть ситуации, относящиеся к плану прошлого, т. е. выделяется значение ‘предположения о событии в прошлом’ (2):

(2) Французский [Шишова 2014: 60]

*Certains l'auront* [иметь.AUX.FUT.3PL] *peut-être trouvé* [находить.PTCP] *long* ⟨...⟩ *mais pour ma part, je n'ai pas vu le temps passer.*

‘Возможно, некоторые **нашли** его [фильм] довольно длинным ⟨...⟩, но лично я не заметил, как время прошло’.

Развитие таких эпистемических употреблений, в которых предбудущее выражает предположительную модальность, по-видимому, является типологически универсальной особенностью данной структуры, известной не только в европейских языках,

но и за пределами Европы, например в агульском [Майсак, Мерданова 2003: 86] и в уалыгском кечуа [Weber 1989: 109]. Современный английский, не знающий таких употреблений предбудущего, на этом фоне выглядит, пожалуй, единственным исключением среди европейских языков, однако в художественных текстах XIX — середины XX в. и в американском английском еще можно было встретить эпистемическое предбудущее [Сичинава, устное сообщение], которое затем, видимо, было вытеснено модальным перфектом:

(3) Английский

*The reader will [AUX.FUT] have [иметь.AUX] guessed [угадать.РТСР] that they were husband and wife.* [H. James. Lady Barberina]

‘Читатель [конечно] **догадался**, что они были муж и жена’.

В описаниях балканских языков по отношению к таким употреблениям предбудущего обычно используется термин *презуптив*. В некоторых языках, таких как, например, французский, эпистемические (презуптивные) употребления даже преобладают над базовыми, ср. цитату из диссертации А. Д. Шишовой [Шишова 2014: 59]: «Несмотря на название глагольной формы [futur antérieur — Я. П.], около 76 % употреблений в корпусе «пресса» и около 84 % употреблений в корпусе «отзывы» относится к событиям, произошедшим в прошлом относительно момента речи». Экспансия эпистемических употреблений предбудущего отмечается не только для современного французского, но и для немецкого (4) [Vater 1975: 99] и албанского (5) [Duchet 1995: 273] (хотя такая ситуация в современном немецком и албанском не подтверждается дальнейшим исследованием):

(4) Немецкий

*Sie werden [стать.AUX.FUT.3PL] gestern Abend gemerkt [заметить.РТСР] haben [иметь.AUX.INF], dass ich nicht sehr gesprächig war.*

‘Вы, **должно быть, заметили** вчера, что я был не очень разговорчив’.

(5) Албанский

*Këtë që më tregove do [FUT] ta [SBJV] kesh [иметь.SBJV.PRS.2SG] parë [видеть.РТСР] në ëndëir.*

‘Что ты мне сказал, ты, **должно быть, увидел** во сне’.

Эпистемические употребления предбудущего неоднородны и принадлежат семантическим зонам эпистемической модальности и эвиденциальности. Мы будем называть их также модально-эвиденциальными стратегиями. В своей монографии, посвященной эвиденциальности в языках мира, А. Айхенвальд [Aikhenvald 2004], описывая различные неэвиденциальные грамматические показатели, которые в одной из своих вторичных функций могут выражать эвиденциальные значения, использует термин «эвиденциальные стратегии». Мы позволим себе использовать подобный термин для эпистемических употреблений предбудущего, дополнив его в связи со спецификой рассматриваемых форм. Причины того, почему предбудущее с легкостью развивает модально-эвиденциальные стратегии, кроются, по-видимому, в сочетании показателей футурума и перфекта, которые, согласно А. Айхенвальд, склонны к такому развитию независимо.

В существующей литературе о предбудущем перечисленные модально-эвиденциальные стратегии обычно не разграничиваются. В исследовании [Arkadiev, Wiemer, in prep.] такие стратегии названы инферентивными, а также эпистемическим расширением (epistemic extension) предбудущего. В балканской традиции принято говорить в этом случае о презуптивном значении. В албанистике, помимо презуптивного, у предбудущего выделяют также миративное значение. Единственным известным мне исследованием с более подробной классификацией модально-эвиденциальных употреблений предбудущего является корпусное исследование М. Морозовой о предбудущем в албанском языке [Морозова 2016].

## 2. Задачи, методы и материал исследования

Цель настоящей работы — представить систему нефутуральных модально-эвиденциальных стратегий предбудущего в ряде языков Европы. Мы в данном исследовании сознательно ограничиваем себя только контекстами с референцией к прошлому, исключая из рассмотрения контексты референции к будущему и предшествования хабитуальной ситуации (последние найдены и описаны Д. В. Сичиновой [в печати]), которые также могут иметь модальные интерпретации. Такое ограничение, судя по всему, позволяет выявить довольно стройную систему значений, принадлежащих семантической зоне, в которой пересекаются эпистемическая модальность и эвиденциальность.

На первом этапе мы обратились к данным параллельных корпусов в составе НКРЯ, (для болгарского привлекался также Болгарский национальный корпус). На момент обращения были доступны параллельные корпуса для следующих языков, имеющих предбудущее: французского, испанского, итальянского, немецкого, латышского и болгарского. В исследовании использовались параллельные корпуса всех перечисленных языков, за исключением испанского: решено было ограничиться двумя представителями языков романской группы. На основании корпусных данных был выявлен инвентарь модально-эвиденциальных стратегий предбудущего в исследованных идиомах. На этом этапе мы столкнулись с большим различием в частотности предбудущего для разных языков в рамках параллельных корпусов НКРЯ. К примеру, если для итальянского параллельного корпуса частотность составляет примерно 2,5 ipm (употреблений на миллион слов), то для болгарского — всего 0,08 ipm. Кроме того, корпусные данные почти не дают возможности увидеть набор альтернативных конструкций, с которыми конкурирует предбудущее, что особенно важно при исследовании форм, не обладающих свойством грамматической обязательности.

Для того чтобы преодолеть такое несоответствие, автором настоящей статьи совместно с Д. В. Сичиновой была разработана анкета. Она содержит 32 предложения, которые необходимо перевести с русского или английского на родной язык информанта. Девять предложений повторяют номера с 80 по 88 из анкеты Э. Даля по перфекту [Dahl 2000]. Эти предложения выявляют наличие в языке специальной формы, маркирующей предшествование в будущем, и особенности употребления этой формы в базовых контекстах ‘предшествование в будущем’, ‘результативность в будущем’, ‘инклизивный перфект в будущем’. К этим предложениям были добавлены еще 23 контекста, сконструированные на основе данных параллельных корпусов НКРЯ и содержащие различные типовые ситуации, в которых были обнаружены формы предбудущего. Несколько предложений включены в анкету на основании примеров, отсутствующих в корпусе, но приводимых в литературе, посвященной предбудущему. Исходной гипотезой было предположение о широких возможностях грамматикализации предбудущего в семантических зонах эпистемической модальности и эвиденциальности, подтверждаемое данными параллельных корпусов.

Составленная нами анкета отличается от других анкет, применяемых в подобных исследованиях, — в частности, от анкеты по плюсквамперфекту [Сичинова 2018] — тем, что информант сначала переводит предложение на родной язык, но затем должен ответить на прямой вопрос о возможности употребить предбудущее в том или ином контексте из анкеты и попытаться прокомментировать, в чем, по его мнению, разница между разными вариантами перевода одного предложения, если таковая имеется. В анкете также предусмотрена возможность указать, используется ли конструкция только в письменной или только в устной речи. Безусловно, анкета может применяться и для языков, не имеющих форм предбудущего в грамматической системе, — соответственно, без специального вопроса к информанту.

Прямой вопрос является одновременно и недостатком, и достоинством анкеты. Недостатки такого подхода очевидны, достоинства же нуждаются в отдельном комментарии.

Предбудущее является неустойчивым элементом глагольной системы. Оно в своем базовом употреблении конкурирует с другими глагольными формами (прежде всего, с перфектом), явно уступая им в частотности, поэтому, не задавая прямой вопрос, мы рискуем во все не получить ответов, содержащих интересующие нас формы. Кроме того, такой подход позволяет выявить контекстную синонимию предбудущего с другими конструкциями.

В настоящем исследовании для итальянского, латышского, немецкого, французского и болгарского будут учтены данные из параллельных корпусов НКРЯ, дополненные результатами анкетирования. Для литовского, румынского, новогреческого, сербохорватского и одного из чакавских диалектов сербохорватского, демонстрирующих высокую степень грамматикализации нефутуральных употреблений предбудущего, будут учитываться только данные анкетирования. Для албанского, помимо данных анкет, мы целиком опираемся на корпусное исследование М. Морозовой [Морозова 2016]. Количество информантов для анализируемых языков составляет от четырех до шести, за исключением единственной анкеты, заполненной носителем куклицкого чакавского говора сербохорватского языка.

Известно, что область употребления предбудущего может пересекаться с областью употребления презенса или футурума, в особенности если оно широко употребляется в условном протасисе (характерно для сербохорватского, см. [Vuković 2014; Ковачевић 2008]). Роль такой контекстной синонимии в грамматикализации предбудущего как неретроспективного будущего в славянских языках рассмотрена в [Пенькова 2018а; 2018б]. Еще чаще предбудущее конкурирует с перфектом. Эта особенность отмечена для современного болгарского [Деянова 1976; Ницолова 2008], среднеболгарского [Мирчева 2001], сербохорватского [Стевановић 1986], древнерусского [Сичинава 2017], современного немецкого [Шендельс 1970; Vater 1975] и т. д.

- (6) Болгарский [Деянова 1976: 291]  
*Който **ще** [хотеть.AUX.FUT] **е** [быть.AUX.3SG] **успял** [успеть.PTCP] / **е** [быть.AUX.3SG] **успял** [успеть.PTCP] *най-напред да стигне до уговореното място, той ще получи определена награда.*  
 ‘Кто **успеет** [букв.: **будет успешим**] / **успел** раньше добраться до назначенного места, тот получит определенную награду’.*
- (7) Немецкий [Vater 1975: 96]  
*Morgen **wird** [стать.AUX.FUT.3SG] Paul das Haus **verkauft** [продать.PTCP] **haben** [иметь.AUX.INF] / **hat** [иметь.AUX.PRS.3SG] Paul das Haus **verkauft** [продать.PTCP].*  
 ‘Завтра Пауль **продаст** / [букв.: **продал**] дом’.

Конкуренция с перфектом характерна для предбудущего не только в базовом значении, но и в эпистемическом, ср.:

- (8) Французский [НКРЯ]  
*Иван, дурак, не принял, и я, **верно, хватил ее.** [Н. В. Гоголь. Нос (1832–1833)]*  
*Cet imbécile d'Ivan **aura** [иметь.AUX.FUT.3SG] **oublié** [забыть.PTCP] d'emporter le flacon et je l'**aurai** [иметь.AUX.FUT.1SG] **avalé** [глотать.PTCP] par distraction. [Nikolaï Gogol. Le Nez (Henri Mongault, 1938)]*  
*Ivan, l'imbécile, n'a [иметь.AUX.PRS.3SG] pas **dû** [быть\_должным.PTCP] l'enlever; et moi je l'**aurai** [иметь.AUX.FUT.1SG] **avalé** [глотать.PTCP]. [Nikolaï Gogol. Le Nez (Bernard Kreise, 1998)]*  
*Ivan, ce crétin, il ne l'**aura** [иметь.AUX.FUT.3SG] pas **bue** [пить.PTCP], et, moi, voilà, je paye les pots cassés. [Nikolaï Gogol. Le Nez (André Markowicz, 2007)]*  
*Cet imbécile d'Ivan n'a [иметь.AUX.PRS.3SG] pas **enlevé** [убирать.PTCP] le flacon, et je l'**ai** [иметь.AUX.PRS.1SG] **vidé** [опорожнить.PTCP]. [Nikolaï Gogol. Le Nez (Boris de Schloezer, 1925)]*

Такая контекстная синонимия подтверждается и анкетированием для большинства других анализируемых языков. Иными словами, употребление предбудущего ни в базовом, ни в других значениях не является обязательным, для выражения тех же значений у говорящего имеются в распоряжении и другие грамматические средства. Свою «необязательность» в языке предбудущее «оправдывает» различными импликатурами: имея формальный показатель референции к будущему, оно может быть использовано для выражения эпистемической дистанции (термин, широко используемый В. А. Плуноном и М. М. Макаревым [2013]; об этой же особенности предбудущего в португальском см. [Duarte 2010]). Кроме того, если говорящий, сообщая о ситуации, имевшей место до момента речи, использует конструкцию с показателями референции к будущему и предшествования, это создает особый семантический эффект, который близок к т. н. «отложенной реализации» — “deferred realization”. Это явление описано в [Aikhenvald 2004: 156]: “It implies that full information on the situation was obtained and correctly interpreted post factum, no matter whether the speaker saw it or not”. В случае с предбудущим получение полной информации или ее верная интерпретация переносится в будущее. Проиллюстрировать эту особенность можно классическим примером Г. А. Хабургаева (9) из старославянского [Хабургаев 1974: 267]. В примере идет речь об опасениях Богородицы о том, не обнаружится ли в будущем, что приходивший (ангел) солгал (ситуация имела место до момента речи):

- (9) Старославянский (Супр. 239, 25)  
*еда бждеть* [быть.AUX.FUT.3SG] *сльгаль* [солгать.PTCP] *приходивии почто ми гнѣвити азыкь старцу*  
 ‘Вдруг [окажется, что] приходивший солгал. Зачем же мне гневить старика?’

Об эффекте отложенной реализации свидетельствует также пример Б. Комри (10) из английского языка, для которого модально-эвиденциальные употребления предбудущего нехарактерны:

- (10) Английский  
*If it rains tomorrow, we'll [AUX.FUT] have [иметь.AUX] worked [работать.PTCP] in vain yesterday.* [Comrie 1985: 73]  
 ‘Если завтра пойдет дождь, то [окажется, что] вчера мы **работали** впустую’.

Из этих примеров хорошо видно, что предбудущее употребляется, если в момент речи говорящий не обладает достаточной информацией о ситуации, так как полная информация сможет стать доступной только в будущем. При этом, если ситуация уже имела место до момента речи, такая «отложенная реализация» интерпретируется как выражение эпистемической модальности (говорящий не знает наверняка, не уверен, лишь предполагает) или как выражение эвиденциальности (говорящий не имел прямого личного доступа к ситуации). Таковы, на наш взгляд, семантические истоки модально-эвиденциальных стратегий форм предбудущего времени.

### 3. Классификация модально-эвиденциальных стратегий

Вторичные употребления предбудущего, названные выше эпистемическими, или модально-эвиденциальными стратегиями, можно классифицировать двумя способами. Во-первых, их можно расположить на эпистемической шкале вероятностной оценки (от наиболее к наименее вероятной). Интересно, что предбудущему в рассматриваемых языках, как правило, в параллельных русских оригиналах или переводах соответствует форма прошедшего времени с такими лексическими эпистемическими маркерами, как *может быть, стало быть, наверно, видно, должно быть, очевидно, вероятно*, однако иногда



такие показатели могут и отсутствовать. Аналогичные лексические средства выражения предположения — как правило, в сочетании с перфектом — используются в анкетах как альтернатива предбудущему, однако могут употребляться иногда и вместе с предбудущим. Последнее широко представлено в итальянских анкетах (ср. *avrete sicuramente pensato* ‘вы, конечно, подумали’), но отсутствует в болгарских, для которого такое употребление неграмматично (ср. ‘наверное, я влюбилась’: *май съм влюбена / май съм се влюбила / ще съм се влюбила / \*май ще съм се влюбила*).

Эпистемическая шкала представляет собой континуум, поэтому на ней целесообразно выделить лишь очевидные пункты. На одном конце этой условной шкалы будут находиться высоковероятные ситуации эпистемической необходимости, в которых говорящий, делая предположение, не допускает существование других альтернатив; на противоположном конце — напротив, ситуации, которые говорящий оценивает как маловероятные (или даже имплицитно отрицает их существование). Соответствующие различия иллюстрируют примеры (11) и (12) из параллельного русско-итальянского корпуса [НКРЯ]:

(11) Итальянский

*È nemico delle donne? Non le può vedere? Povero pazzo! Non avrà [иметь.AUX.FUT.3SG] ancora trovato [находить.РТСР] quella che sappia fare. Ma la troverà. La troverà. E chi sa che non l'abbia trovata?* [Carlo Goldoni. La Locandiera (1753)]

*Он враг женщин? Не может их видеть? Несчастный дурень! Просто не попался еще в настоящие руки. Но попадется. Попадется! И, кто знает, может быть, уже попался?* [Карло Гольдони. Трактирщица (Алексей Дживелегов, 1933)]

(12) *Tu dici che egli con quella avrà [иметь.AUX.FUT.3SG] parlato [говорить.РТСР] di te. Questo no, non è accaduto.* [Lev Tolstoj. Anna Karenina (p. 1–4) (Maria Bianca Luporini)]  
*Ты говоришь, что он с ней говорил об тебе. Этого не было.* [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (ч. 1–4) (1873–1877)]

Промежуточное положение на этой условной шкале будут занимать ситуации, по отношению к которым говорящий, выражая предположение, допускает возможность других альтернатив, например:

(13) Итальянский [НКРЯ]

— *Allora, forse, Kitty l'avrà [иметь.AUX.FUT.3SG] respinto [отвергать.РТСР]. Non ve ne ha parlato?* [Lev Tolstoj. Anna Karenina (Maria Bianca Luporini)]

— *Так, может быть, Кити отказала ему?.. Она вам не говорила?* [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1873–1877)]

Второй способ классификации модально-эвиденциальных стратегий предбудущего связан со способом доступа к информации о ситуации. На настоящий момент можно сказать, что для предбудущего наиболее типично называть ситуации личного непрямого доступа (я использую семантическую классификацию эвиденциальных значений, предложенную в [Plungian 2001]). Если предбудущее обозначает вывод, который говорящий делает на основании косвенных признаков, наблюдаемых им, можно говорить об инферентивном значении или стратегии. Если предположение говорящего основано на его знаниях о мире, то перед нами презумптивные стратегии. Презумптивные и инферентивные стратегии являются для предбудущего основными. Презумптивные в часто рассматривают как одно из значений на пересечении семантических зон эвиденциальности и эпистемической модальности (см., например, [Van der Auwera, Plungian 1998; Плунгян 2011]): независимо от того, что выходит на первый план — оценка говорящим вероятности события или «апелляция к логическому выводу как источнику информации», — оба компонента, эпистемический и эвиденциальный, неизменно присутствуют.

На периферии находятся ситуации неличного непрямого доступа, когда в качестве косвенного источника информации может выступать также чужая речь или

шире — интерпретация чужого мнения. Следует оговорить, что это не классические ренарративные ситуации, а такие, которые можно назвать «эмфатическим» или «ироническим» пересказом (см. примеры ниже). За неимением лучшего термина мы будем называть такие стратегии дубитативными. Этот термин представляется наиболее подходящим, поскольку дубитатив — по крайней мере, балканский — также совмещает в себе эвиденциальные и модальные значения. В сферу употребления предбудущего могут попадать и ситуации прямого личного доступа, однако это или ненаблюдаемые ситуации (чувства, ощущения, состояние говорящего — все, что относится к его внутреннему физическому и ментальному опыту), или неосознанные действия (см. об этом ниже).

Особняком стоят миративные стратегии предбудущего. Хотя их и нельзя в строгом смысле назвать эвиденциальными или модальными [DeLancey 1997; 2012; Aikhenvald 2004], они тесно связаны с последними (см. об этом, например, [Plungian 2001: 355; 2010: 47–48]). Отличие миративных стратегий от других эпистемических употреблений предбудущего в том, что вывод или догадка говорящего являются для него неожиданными и вступают в противоречие с его картиной мира. Мы будем рассматривать миративные стратегии предбудущего в контексте модально-эвиденциальных, поскольку и те, и другие чаще выражаются кумулятивно, накладываясь одна на другую.

Как особую модально-эвиденциальную стратегию мы также будем рассматривать контексты незнания говорящим одного из аспектов ситуации. Д. В. Сичинава предлагает называть такого рода употребления предбудущего «игнораativом» [Сичинава, в печати], например:

(14) Итальянский [НКРЯ]

*E quale di questi sistemi avrà* [иметь.FUT.3SG] *usato* [использовать.PTCP] *Venanzio?* [Umberto Eco. Il nome della rosa (1980)]

*А какую систему употребил Венанций, мы не знаем...* [Умберто Эко. Имя розы (Е. Костюкович, 1989)]

Далее мы будем проводить границы между употреблениями предбудущего прежде всего на основании различных способов доступа к информации, а не на основании степени вероятностной оценки. Однако при этом важно понимать, что вместе с эвиденциальными значениями всегда выражается и эпистемическая модальность.

## 4. Непрямой личный доступ: презумптивные стратегии

4.1. Презумптивные употребления предбудущего характерны для подавляющего большинства европейских языков, имеющих эту конструкцию, и известны в языках за пределами Standard Average European. Приведем лишь несколько примеров (ср. также примеры (2)–(5) выше):

(15) Болгарский

*Това качествено преобразуване на фонологичните опозиции **ше** [AUX.FUT] **е** [быть. AUX.3SG] **засегнало** [затронуть.PTCP] и фонемите.* [И. Дуриданов. Известия на Института за български език, XI (1964)]

‘Это качественное преобразование фонологических оппозиций, очевидно, **затронуло** и эти фонемы’.

(16) Албанский [Морозова 2016]

*E marr me mend se ç'do* [FUT] *të* [SBJV] *ketë* [иметь.SBJV.PRS.3SG] *thënë* [сказать.PTCP] *nëna jote.*

‘Представляю, что, **должно быть**, сказала твоя мать’.



Особый интерес вызывают презумптивные стратегии предбудущего в румынском — языке с грамматикализованным презумптивом, а также в современном болгарском, в котором некоторые исследователи также выделяют парадигму особого наклонения — презумптива [Герджиков 1984; Иванова 2016а; 2018]. Важно различать то, что понимается под термином «презумптив» в болгарском и румынском. Румынский презумптив, в отличие от болгарского, фактически представляет собой уже грамматикализованную эвиденциальность и выражает целый комплекс эвиденциальных значений, помимо собственно презумптивного: репортативные, дубитативные, миративные.

В румынском языкознании нет единства в вопросе о составе парадигмы презумптива (обзор различных точек зрения см., например, в статьях [Friedman 1997а; 1998]). Основой этой парадигмы признаются формы вспомогательного глагола ‘быть’ в форме аналитического будущего в сочетании с герундием. В отношении конструкций с формами вспомогательного ‘быть’ в соединении с причастием перфекта, среди которых и форма предбудущего, у исследователей нет единого мнения. Некоторые считают эти формы частью парадигмы презумптива, другие — вторичными употреблениями футурума, конъюнктива и кондиционала. Иными словами, одна и та же конструкция в румынском обозначает предшествование в будущем (17)–(18) и вывод-предположение о событии в прошлом<sup>1</sup> (19).

(17) Румынский [Friedman 1998: 398]

*Cînd ea va fi acasă, el va* [хотеть.AUX.FUT.3SG] *fi* [быть] *ajuns* [приезжать.GER] *pîna acolo*.  
‘Когда она будет дома, он уже **приедет** туда’.

(18) — *Va* [хотеть.AUX.FUT.3SG] *fi* [быть] *citit* [читать.PTCP] *el acest roman?* — *Vom sta de vorbă numai după ce-l vei* [хотеть.AUX.FUT.2SG] *fi* [быть] *citit* [читать.PTCP] *și tu*.

‘— **Прочел** ли он этот роман? — Мы поговорим об этом только после того, как ты **прочитаешь** его тоже’ [Ibid.].

(19) — *Va* [хотеть.AUX.FUT.3SG] *fi* [быть] *citit* [читать.PTCP] *el acest roman?* — *Mă îndoiesc*.

‘— **Прочел** ли он этот роман? — Я сомневаюсь’ [Ibid.].

Итак, в румынском языке предбудущее структурно совпадает с одной из конструкций, входящих в парадигму презумптива, понимаемую широко. Сходная ситуация представлена в болгарском.

Несмотря на большую близость эвиденциальных систем румынского и болгарского языков, между ними есть и существенные различия, так как косвенная засвидетельствованность в болгарском, в отличие от румынского, основана на системе перфекта. Еще одним отличием болгарского презумптива от румынского является семантика. Если в румынском презумптив фактически является показателем неличной засвидетельствованности, то в болгарском он является конструкцией, прежде всего, с эпистемическим значением [Ницолова 2008: 331].

Существование парадигмы особого презумптивного наклонения в болгарском признается далеко не всеми болгаристами (обзор точек зрения на проблему см., например, в [Иванова 2016а; Иванова, Алексова 2018]). Обычно к презумптиву относят серию форм с частицами *ще да* (*ще да* + PRS, *ще да* + л-PTCP). Считается, что частица *да* при этом факультативна. Конструкция, образующаяся аналогично презумптиву, но без частицы *да* (*ще съм* + л-PTCP (19)), формально совпадает с будущим предварительным. Иными словами, в примерах (20)–(22), согласно традиции, принятой в болгаристике, представлены

<sup>1</sup> Согласно [Naase 1995: 149], в румынском возможна также сверхсложная форма презумптива предшествования, которая обозначает предположение о некотором прошлом событии и образуется с помощью предбудущего от вспомогательного ‘быть’ в соединении с герундием. Такой презумптив предшествования употребляется очень редко и обычно заменяется на структурно более простую форму предбудущего. Сверхсложная форма предбудущего есть также в албанском [Rusakov 2015: 437].

соответственно будущее предварительное, презумптив без частицы *да* (иногда называемый также модальным перфектом) и презумптив с частицей *да*:

## (20) Болгарский [БНК]

*Преди да се усетиш, ще [AUX.FUT] съм [быть.AUX.1SG] се върнал [быть.PTCP].*  
‘Прежде чем ты поймешь, я уже вернусь’.

(21) — Как... Ясно, че ако са идвали изобщо, тук *ще [AUX.FUT] са [быть.AUX.3PL] били [быть.PTCP]... Да не са луди да влизат в двора! Да се пхат в клопка!* [Анатолий Приставкин. Преносува облачето златно (Здравка Петрова, 1989)]

— Как... Ясно же, что если они были, то *были тут... Что они, дураки во двор заезжать! Это же ловушка!* [А. И. Приставкин. Ночевала тучка золотая (1981)]

(22) *Но от сегашните чоракци нито един не може свястно да обясни защо се нарича така: за какъв крадец става дума, какъв *ще [AUX.FUT] да [PTCL] е [быть.AUX.3SG] бил [быть.PTCP] този крадец, дето е оставил тук незаличима от вековете диря?* [Леонид Соловьев. Повест за Настрадаин Ходжа. Книга втора. Омагьосаният принц (Иван Костов, Райчо Русев, 1983)]*

*Но из теперешних чораццев ни один толком не может объяснить ее названия: о каком воре идет речь, что это *был за вор, оставивший здесь на века свой неизгладимый след?* [Л. В. Соловьёв. Очарованный принц. Вторая повесть о Ходже Насреддине (1954)]*

Показательно, что предбудущее обнаруживает структурное совпадение с одной из презумптивных форм не только в болгарском и румынском, но и в новогреческом, в котором эвиденциальность вовсе не имеет грамматического выражения. В новогреческом частица *θα*, аналог болгарской *ще*, может сочетаться с любыми временными формами для выражения значений, близких к презумптивным. В одном из таких употреблений модальная конструкция с *θα*, как и в болгарском, формально совпадает с предбудущим [Hedin 1995: 250]. Тем самым перед нами уже третий случай подобной омонимии на Балканах, который доказывает, что и в румынском, и в болгарском, и в новогреческом мы имеем дело с одним и тем же явлением: предбудущее в одном из своих вторичных употреблений встраивается в новую парадигму, возникающую благодаря экспансии модальной частицы на другие глагольные формы.

Чрезвычайно показательны в этом отношении данные куклицкого говора чакавского наречия сербохорватского языка<sup>2</sup>. В этом говоре есть конструкция, формально представляющая собой предбудущее (вспомогательный *biti* ‘быть’ в форме будущего и причастие прошедшего времени на *-l*). Однако эта перифраза совсем не употребляется в базовых контекстах предбудущего (предшествование / результативность в будущем), а используется исключительно с референцией к прошлому для передачи презумптивных и других модально-эвиденциальных значений, ср.:

## (23) Чакавский

*Bićemo [быть.FUT.1PL] spuali [спать.PTCP] ka si ti doša.*  
‘Мы [наверное] спали, когда ты пришел’.

Ситуация, сложившаяся в куклицких говорах, свидетельствует о том, что предбудущее может вовсе утрачивать референцию к будущему, превращаясь в конструкцию с презумптивным значением.

В штокавских сербохорватских говорах известны родственные конструкции с несогласованным *biće*, подобные болгарским формам с *ще (да) е + л-PTCP*, рассмотренным выше.

<sup>2</sup> Автор сердечно благодарит Мислава Бенича за подробную информацию об этих формах в куклицких говорах.

## (24) ШТОКАВСКИЙ [анкета]

**Buñe** [PTCL] **da** [PTCL] **sam** [быть.AUX.PRS.1SG] **je zaборавио** [забыть.PTSP] *код куће*.  
 ‘[У меня нет пропуска...] Должно быть, я **забыл** его дома’.

Сейчас такие конструкции воспринимаются информантами как немного устаревшие, однако ранее были, по-видимому, более употребительны, ср. пример с еще сохраняющимся согласованием из грамоты 1714 г.:

## (25) ШТОКАВСКИЙ [Комар 2009: 129]

**Buñete** [быть.FUT.2PL] **разумјели** [PTSP] *како се догодила и била кавга у Рисну*.  
 ‘Наверное, вы поняли, как произошел спор в Рисане’.

Конструкции с несогласованным *biće*, подобные болгарскому презумптиву, в сербохорватском, по-видимому, представляют собой дальнейший этап развития такого предбудущего, утратившего референцию к будущему, при котором произошла реинтерпретация: сочетание вспомогательного глагола с причастием переосмыслено как сочетание модальной частицы с формой перфекта — очевидно, не без влияния аналогичных неизменяемых эпистемических показателей в других балканских языках.

Данные анкет вполне подтверждают наши выводы. Румынские информанты употребляют конструкцию “viitorul anterior” (будущее предварительное), а болгарские — *ще e + л*-PTSP и в базовых для предбудущего контекстах, и в модально-эвиденциальных, не обнаруживая серьезных отличий от носителей других европейских языков без грамматализованного презумптива (см. подробнее ниже). Однако если рассматривать только контексты с референцией к прошлому, то румынское и болгарское предбудущее оказываются все же наиболее близки: болгарские и румынские анкеты имеют всего четыре расхождения (считаются различия в конкретных предложениях, а не в типах употребления), тогда как между румынским и другими языками их больше: пять расхождений с латышским, немецким и чакавским говором сербохорватского, шесть — с французским, семь — с литовским и восемь — с итальянским. Соответственно, между болгарским и литовским также — всего четыре, столько же между болгарским и чакавским; болгарский и французский имеют пять точек расхождения, болгарский и латышский — шесть; дальше всего от болгарского итальянский и немецкий, имеющие с ним по семь расхождений.

4.2. На основании презумптивных стратегий у предбудущего могут развиваться особые дискурсивные употребления: оно часто используется для передачи предположения говорящего о когнитивном или ином внутреннем опыте собеседника или третьего лица. Данные НКРЯ показывают, что в итальянских нарративных текстах, причем как в переводных, так и в оригинальных, предбудущее довольно широко употребляется в контекстах, в которых рассказчик обращается к воображаемому читателю, чтобы привлечь внимание к какому-либо факту:

## (26) Итальянский [НКРЯ]

*Come il lettore avrà* [AUX.FUT.3SG] **immaginato** [представлять.PTSP], *nella biblioteca del monastero non trovai traccia del manoscritto di Adso*. [Umberto Eco. Il nome della rosa (1980)]

*Как читатель, вероятно, уже понял, никаких следов рукописи отца Адсона в монастырской библиотеке не обнаружилось*. [Умберто Эко. Имя розы (Е. Костюкович, 1989)]

(27) *Come il lettore avrà* [AUX.FUT.3SG] **capito** [понимать.PTSP], *io non sono un uomo pratico; ma né l'ignoranza né l'accidia avrebbero dovuto impedirmi di cercare altrove un parere professionale*. [Vladimir Nabokov. Lolita (Giulia Arborio Mella)]

*I am, as the reader must have gathered by now, a poor businessman; but neither ignorance nor indolence should have prevented me from seeking professional advice elsewhere*. [Vladimir Nabokov. Lolita (1955)]

*Как читатель успел, вероятно, смекнуть, делец я никудышный; но, конечно, ни лень, ни незнание не должны бы были помешать мне искать профессиональной подмоги на стороне.* [Владимир Набоков. Лолита (1955–1967)]

Подобные примеры в испанской прозе описываются в работе [Сичинава, в печати]. Они известны и во французском с глаголом *comprendre* ‘понимать’ [Шишова 2014: 62]:

(28) Французский

*Bref, vous l'aurez* [AUX.FUT.2PL] *compris* [понимать.PTCP], *le premier volet de la trilogie du Hobbit est une réussite totale.*

‘Короче говоря, как Вы **поняли**, первый фильм трилогии про Хоббита — это абсолютный успех’.

(29) Французский

*Vous l'aurez* [AUX.FUT.2PL] *compris* [понимать.PTCP], *je suis fan...*

‘Как Вы уже **поняли**, я фанат...’

Во французском, согласно исследованию А. Д. Шишовой [2014: 64], предбудущее в этом употреблении, как правило, используется в заключительной части пассажа в функции введения итогов (*futur antérieur de conclusion*).

Результаты анкетирования подтверждают такую склонность предбудущего к особым дискурсивно-риторическим функциям. Более того, именно в таких контекстах анкеты разных информантов имеют намного меньше различий и предлагают меньше синонимических вариантов, чем в других, или даже ограничиваются только одним вариантом перевода, содержащим форму предбудущего, зачастую перевод сопровождается комментарием о том, что в данном контексте употребление предбудущего в высшей степени уместно. Кроме того, такой «контекст читателя» (или шире — «контекст собеседника») входит в число пяти эпистемических контекстов, в которых носители всех рассматриваемых языков предлагают ответы, содержащие формы предбудущего. Однако в этих контекстах ни один из болгарских информантов так и не употребил родственную предбудущему конструкцию *ще да е + л-PTCP*.

**4.3.** Особую интерпретацию презумптивных употреблений предбудущее имеет в литературном сербохорватском языке. Необходимо оговорить, что речь идет о конструкции «футур други» (*l-причастие* с вспомогательным ‘быть’ в форме презенса СВ), а не о диалектной конструкции с *l-причастием* и вспомогательным ‘быть’ в форме будущего времени (см. выше). Последняя имеет широкий спектр модально-эвиденциальных употреблений, тогда как «футур други» в эпистемическом значении встречается только в вопросительных предложениях опасения с частицей *да* (см. [Коваћевић 2009]):

(30) СЕРБОХОРВАТСКИЙ [Стевановић 1986: 693]

*Да не буде* [AUX.FUT.3SG] *куда утекао* [убежать.PTCP] *с оним новцем?*

‘Неужели он **убежал** куда-нибудь с теми деньгами?’

(31) *Да не будеш* [AUX.FUT.3SG] *то забравио* [забыть.PTCP] *код куће?*

‘Как бы ты не **забыл** это дома! / Неужели ты **забыл** это дома?’

Такие употребления с частицей *да* в болгарском соответствуют конструкции *да не би* с широким эпистемическим значением (употребляется по отношению к событиям настоящего или прошлого при выражении догадки и опасения, неожиданности и маловероятности, гиперболизированного неприятия ситуации в «пристрастных вопросах» [Иванова, Бужаровска 2016]): «частица *да не би* в качестве самостоятельного высказывания может использоваться только в вопросительных по форме предложениях» (т. е. аналогично апрехенсивному употреблению предбудущего в сербохорватском), а «апрехенсивное значение в невопросительных высказываниях в болгарском языке чаще всего берет на себя отрицательная *да-конструкция*» [Иванова 2016b], см. также [Mitkovska et al. 2017]:

- (32) Болгарский  
*Да не би* [PTCL] *да ме лъжеш?*  
 ‘Да ты меня не обманываешь?’
- (33) Болгарский  
*Какво, да не би* [PTCL] *да си шпионирал?*  
 ‘Ты что, уж не шпионил ли?’

По-видимому, в основе таких употреблений предбудущего, которые наиболее близки к болгарским сочетаниям *да не би* с перфектом (ср. выше: *да не би да си шпионирал*), также лежит эпистемическая модальность — один из семантических источников apprehensiva, см. [Добрушина 2006]).

Проведенное анкетирование не подтверждает склонность сербохорватского предбудущего к употреблению в такого рода контекстах, однако в переводах некоторых болгарских информантов в контексте, который «проверяет» возможность употребления предбудущего для передачи неосознанных действий, наряду с формой предбудущего мы обнаружили эпистемическую конструкцию *да не би*:

- (34) Болгарский [анкета]  
*Ще* [AUX.FUT] *съм* [БЫТЬ.AUX.PRS.1SG] *изпил* [выпить.PTCP] *тая течност.*  
*Аз да не би* [PTCL] *да* [SBJV] *съм* [БЫТЬ.AUX.1SG] *изпил* [выпить.PTCP] *тази течност.*  
 ‘Я, [кажется], **выпил** эту жидкость [неосознанно, по ошибке].’

Такое сближение не случайно. Частица *да не би* — новый эпистемический показатель в современном болгарском — по-видимому, начинает вытеснять болгарское предбудущее по крайней мере из сферы таких «пристрастных вопросов, передающих догадку-опасение» (по удачному выражению Ивановой и Бужаровской [Иванова, Бужаровска 2016]), ср. также ниже примеры (48)–(49), (54).

- (35) Болгарский  
*А ти да не би* [PTCL] *да разпозна себе си в тези редове?*  
 ‘А ты, никак, себя узнала в этих строках?’

## 5. Непрямой личный доступ: инферентив

5.1. К инферентивным стратегиям предбудущего мы относим контексты, в которых говорящий на основании результатов некоторой ситуации (ретроспективная инференция) или других ее косвенных признаков (синхронная инференция) делает вывод о том, что эта ситуация имела место. Далее синхронную и ретроспективную инференцию мы не разграничиваем. Инферентивные стратегии представлены у предбудущего во всех рассмотренных языках, приведем несколько примеров:

- (36) Немецкий [НКРЯ]  
 «*Was ist, mein Freund?*»—*aber er antwortete schon nicht mehr.* «*Nun, er wird* [стать.AUX.FUT.3SG] *wohl eingeschlafen* [заснуть.PTCP] *sein* [БЫТЬ.AUX.INF],» *sagte sie sich und ging aus dem Zimmer, um mit der Wirtin Notwendiges zu besprechen.* [Fjodor Dostojewski. *Arme Leute* (E. K. Rahsin, 1920)]  
 «*Что, мой друг?*» *А он не отвечает.* *Она подождала немножко — ну, думает, уснул, и вышла на часок к хозяйке.* [Ф. М. Достоевский. *Бедные люди* (1844)]



- (37) **ФРАНЦУЗСКИЙ** [НКРЯ]  
*«Feu des deux pièces! vive Napoléon!» Et il décrivit en l'air avec sa canne une arabesque imaginaire. «Le genre de sa blessure l'aura [AUX.FUT.3SG] **fait** [делать.РТСР] **tomber en enfance**», dit Derville. [Honoré de Balzac. Le colonel Chabert (1832)]*  
 — Огонь из двух орудий! Да здравствует Наполеон! И он описал палкой в воздухе какую-то замысловатую завитушку. — Он **впадает** в детство. Очевидно, таково следствие его ужасного ранения — сказал Дервиль. [Оноре де Бальзак. Полковник Шабер (Н. Жаркова, 1949)]
- (38) **БОЛГАРСКИЙ** [РБПК]  
 — Ах, **ще** [AUX.FUT] **е бегал** [бежать.PRF], *завалията* — каза Марко, като забележи едвам сега, че той завари вратата отворена на обора. [Иван Вазов. Под Игото] Эх, наверное, убежал, бедняга, — проговорил Марко, только сейчас сообразив, что дверь в конюшню была открыта.
- (39) **АЛБАНСКИЙ** [Морозова 2016]  
*Megjithatë, ai e vërejtë një të skuqur në shikimin e Hetuesit, sikur i ishte fryrë rrjeti i kapilarëve ose ishte dendësuar edhe më shumë, ishte enjtur, ishte mbushur gjak. **Do** [FUT] **të** [SBJV] **ketë** [иметь.SBJV.PRS.3SG] **kaluar** [проводить.РТСР] edhe ai një natë pa gjumë. [Eqrem Basha. Dyert e heshtjes, 1997–1999]*  
 ‘Между тем он заметил красноту в глазах Следователя, как будто сеть капилляров раздулась или стала гуще, набухла, налилась кровью. Он тоже, очевидно, **провел** ночь без сна’.
- (40) **ЛАТЫШСКИЙ**  
*Jācer, ka saimnieks **būs** [быть.AUX.FUT.3SG] **atsviedis** [бросить.РТСР] viņam kādu rubli jeb kā tas tur ir šo naudā, jo kurpes — uz goda. [Andris Puriņš. Nevaicājiet man neko (1977)]*  
*Надеюсь, хозяин **отслонявил** ему рублишко или что там у них за валюта, потому что туфли что надо. [Андрис Пуриньш. Не спрашивайте меня ни о чём (Ю. С. Каппе, 1979)]*
- 5.2.** Частной разновидностью инферентивных употреблений являются случаи, в которых с помощью предбудущего выражается приблизительная оценка чьего-либо возраста. Такие употребления встретились в итальянских текстах с глаголом *avere* ‘иметь’:
- (41) **ИТАЛЬЯНСКИЙ**  
*Ma una sera, ch'era seduto al fuoco, si aprì di colpo la porta e comparve un giovane, con un fucile. **Avrà** [AUX.FUT.3SG] **avuto** [иметь.РТСР] diciassette anni. «Cosa succede?» domandò Planetta, senza neppure alzarsi in piedi. [Dino Buzzati. L'assalto al Grande Convoglio (1942)]*  
*Но как-то то вечером, когда он сидел у очага, дверь резко отворилась, и на пороге с ружьем в руках появился юноша. **С виду лет семнадцати.** — В чем дело? — спросил Планетта, даже не привстав. [Дино Буццати. Нападение на большой конвой (Р. Хлодовский)]*
- (42) **ИТАЛЬЯНСКИЙ**  
*Due persone in calzoncini da tennis, un tizio dai capelli rossi che **avrà** [AUX.FUT.3SG] **avuto** [иметь.РТСР] a stento otto anni meno di me, coi polpacci di un rosa fiammante, bruciati dal sole, e una ragazzabruna e indolente con la bocca imbronciata e gli occhi duri, un paio d'anni più grande di Lolita, sbucarono dal nulla. [Vladimir Nabokov. Lolita (Giulia Arborio Mella)]*  
*Two people in tennis shorts, a red-haired fellow only **about eight years** my junior, and an indolent dark girl with a moody mouth and hard eyes, about two years Lolita's senior, appeared from nowhere. [Vladimir Nabokov. Lolita (1955)]*



*Вдруг вижу — откуда ни возьмись, появляются двое в теннисных трусиках: рыжий мужчина, лет на восемь моложе меня, с обожженными на солнце малиновыми голенями; и довольно матовая брюнеточка, года на два старше Лолиты, с капризным ртом и жестким взглядом.* [Владимир Набоков. Лолита (1955–1967)]

Анкетирование подтверждает такую особенность у предбудущего в итальянском (предбудущее в данном контексте использовано всеми информантами) и румынском (использовано только одним информантом):

(43) Румынский [анкета]

*Copilul va [AUX.FUT.3SG] fi [быть] avut [иметь.PTCP] vreo zece zile.*

[А нашел младенца в картонной коробке. А рассказывает о ребенке:] ‘Ребенку **было [на вид] дней десять**’.

## 6. Ситуации прямого личного доступа

**6.1.** Как было сказано выше, предбудущее также может употребляться и для обозначения ситуаций, к которым говорящий имел прямой доступ, однако не любых, а, по-видимому, только тех, которые сообщают о невидуальном восприятии: о внутреннем ментальном или физическом опыте говорящего (чувства, ощущения, физическое состояние, когнитивные процессы) или о его неосознанных действиях — т. е. о том, что принципиально не может быть наблюдаемым. Ситуации такого рода тоже в какой-то степени выражают эпистемическую дистанцию (говорящий не полностью осознает или не контролирует свои действия) и очевидным образом связаны с «отложенной реализацией» — осознанием пост-фактум.

Примеры таких употреблений предбудущего были найдены в латышских, французских и итальянских текстах из параллельного корпуса НКРЯ.

**6.2.** Неосознанные действия:

(44) Итальянский [НКРЯ]

*‘Dov’è dunque il tuo passaporto?’ — ‘Ce l’avevo’ dici disinvolto, ‘ma, chissà, si vede che l’avrò [AUX.FUT.1SG] **perduto** [потерять.PTCP] per strada.’ [Nikolaj Gogol’. Anime morte (Paolo Nori)]*

«— Где ж твой паспорт?» — «Он у меня был, — говоришь ты проворно, — да, статья может, видно как-нибудь дорогой **пообронил** его». [Николай Гоголь. Мертвые души (1835–1852)]

Такие же употребления характерны и для аналога предбудущему в плане прошедшего — плюсквамперфекта [Aikhenvald 2004]: “the pluperfect in La Paz Spanish has an array of non-firsthand meanings while the simple perfect tends to be interpreted as ‘firsthand’. With a first person subject, a ‘non-firsthand pluperfect’ has an overtone of accidental or unintentional action”: *me **había cortado** mi dedo* ‘Я **порезал** себе палец! (и не заметил, как это произошло)’.

Результаты анкетирования показывают, что обозначение неосознанных действий вовсе не является семантической периферией предбудущего — по крайней мере, в части исследованных языков. В литовском и латышском, а также в итальянском и в чакавском диалекте сербохорватского такие контексты следует вовсе признать одной из основных сфер употребления предбудущего, так как варианты перевода с формой предбудущего использованы в этих случаях практически всеми информантами, ср.:

(45) ‘Я, [кажется], **выпил** эту жидкость [неосознанно, по ошибке]’ [анкета].

Латышский: *Es, šķiet, būsū* [быть.AUX.FUT.1SG] *izdzēris* [выпить.PTCP] *šo šķidrumu*.

Итальянский: *Avrò* [иметь.AUX.FUT.1SG] *bevuto* [пить.PTCP] *questo liquido*.

Чакавский: *Bīću* [быть.AUX.FUT.1SG] *pđpi* [выпить.PTCP] *tù vòdu*.

Гораздо реже употребляют в таких контекстах предбудущее во французском, немецком, болгарском и румынском, однако и для этих языков такие варианты перевода были предложены некоторыми из информантов. В одной из французских анкет в таком контексте был также использован плюсквамперфект.

### 6.3. Передача внутреннего опыта говорящего:

(46) Итальянский [НКРЯ]

*Vado a stendermi un po' a letto; e voi mandatemi una scottatura di tiglio. Avrò* [AUX.FUT.1SG] *presa* [взять.PTCP] *un'infreddatura*. — *Perciò tutta stanotte t'ho sentito tossire, — disse Ariscia*. [Ivan Turgenev. *Padri e figli* (Federigo Verdinois)]

*Пойду прилягу, а вы мне пришлите липового чая. Простудился, должно быть. — То-то я слышала, ты сегодня ночью кашлял, — промолвила Арина Власьевна*. [И. С. Тургенев. *Отцы и дети* (1860–1861)]

(47) Французский [Шишова 2014 : 63]

*En conclusion, ce 1er épisode la trilogie “Le Hobbit” ne m’aura* [AUX.FUT.3SG] *pas transporté* [увлечь.PTCP] *comme “Le Seigneur des Anneaux” l’avait fait*.

‘В конечном счете, этот первый фильм трилогии «Хоббит» не так **увлек** меня, как «Властелин колец»’.

В некоторых языках этот тип ситуаций может передаваться особыми эндофорическими показателями, которые употребляются, «когда говорящий описывает свое собственное ментальное, эмоциональное или физиологическое состояние» [Plungian 2001: 352]. Такие ситуации могут по-разному маркироваться в различных эвиденциальных системах [Aikhenvald 2004]: в одних — показателями личного доступа, в других — эвиденциальными показателями неличного доступа или не визуального восприятия. Различия в этой сфере отмечаются и среди близких друг другу балканских языков: болгарский передает эндофорическую эвиденцию с помощью индикативных форм, тогда как албанский — с помощью адмиратива [Ницолова 2007: 126].

Данные анкет показывают, что употребление для передачи внутреннего опыта менее типично для предбудущего, чем обозначение неосознанных действий. Такое употребление встречается в литовском, латышском, итальянском, французском и чакавском, но во все нехарактерно для предбудущего в немецком и маргинально в румынском.

## 7. Непрямой неличный доступ: дубитатив

К дубитативным стратегиям мы относим такие, в которых говорящий оценивает ситуацию как маловероятную или вовсе имплицитно подразумевает противоположное сообщаемому (имплицитное отрицание). Обычно такая интерпретация предбудущего возникает при некоторых дополнительных контекстных условиях: вопросительное предложение или косвенный вопрос, иллюкутивной целью которого не является получение информации (ироничные эхо-вопросы). Предбудущее используется для ироничного переосмысления и передразнивания чужих слов или чужого мнения, с которым говорящий не согласен, но фокус эмпатии при этом не на говорящем, а на адресате. Говорящий таким образом дистанцируется от чужого мнения, которое не разделяет, при этом не обязательно

«цитируя» чужую речь (48)–(49), но иногда просто самостоятельно приписывая ему некоторое (предполагаемое) мнение (54):

(48) Болгарский [НКРЯ]

*Какво ти става, да не си полудяла? Откъде-накъде аз **ще** [AUX.FUT] **съм** [БЫТЬ. AUX.1SG] **отмъкнал** [украсть.РТСР] **паспорта** ти? Че за какво ми е **твоят паспорт**?* [Татяна Полякова. Миллионерша търси запознанство (Ива Митева, 2004)]

*Ты что, с ума сошла? Я **стацил** твой паспорт? На фигуа он мне?* [Татяна Полякова. Миллионерша желает познакомиться (2002)]

(49) „Окраде Русия“ — казват. Как така **ще** [AUX.FUT] **е** [БЫТЬ.AUX.3SG] **окрал** [обокрасть. РТСР] **Русия**? От хазната ли взема пари? [Александър Литвиненко. Лубянската престъпна групировка (Здравка Петрова, 2003)]

„Обокрал Россию“, — *отвечают*. Как это **обокрал** Россию? Берет деньги из казны? [А. В. Литвиненко. ЛПГ — Лубянская преступная группировка (2002)]

Часто в такого рода контекстах вместе с иронией выражается удивление, т. е. несогласие и ‘несоответствие ожиданию, картине мира говорящего’. Во многом сходное дубитативное употребление характерно для некоторых балканских эвиденциальных показателей: для форм румынского презумптива [Friedman 1998: 396], для форм албанского адмиратива и для болгарского дубитатива, ср.:

(50) Албанский [Buchhol, Fiedler 1987: 155]

— *Unë për vete nuk kam faj [...]* — *Si more Loni, s’pas-k-e* [NEG.ИМЕТЬ.MIR.2SG] *faj?!*  
‘— Что касается меня, это не моя вина [...] — Эй, Лони, как это не твоя вина?!’

(51) Болгарский [Сичинава 2013: 154]

— *Война няма. Аз не съм чувал да има война. — Няма **било** [NEG.ИМЕТЬ.DUB] **война!** Взemi вестника и **ще видиш**...*

‘— Войны нет. Я не слышал, чтоб была война. — [Ну да, как же] **нет** войны! Возьми газету и увидишь!..’

Единичные примеры предбудущего в дубитативном употреблении встретились, и за пределами Балкан, ср. пример из [Шендельс 1970]:

(52) Немецкий

— *Wo bist du gestern hingekommen?*

— *Wo **werde** [AUX.FUT.1SG] **ich hingekommen sein** [пойти.PRF.INF]? Nach Hause gegangen bin ich.*

‘— Куда ты вчера пошел? — Куда я **мог пойти**? Домой я пошел’.

Проведенный опрос информантов, однако, не подтверждает такое употребление для предбудущего в большинстве анализируемых языков, хотя информанты — носители немецкого языка считают такое употребление естественным и существующим в узусе. В дубитативных контекстах некоторые болгарские информанты (однако далеко не все) используют дубитатив, французские — кондиционал, а литовские — плюсквамперфект. Перевод с помощью предбудущего демонстрируют только некоторые носители итальянского, в котором в подобных контекстах возможен также кондиционал, ср.:

(53) Итальянский [анкета]

[Жена мужу:] — Куда ты вчера пошел после работы?

[Муж отвечает жене:] — Куда я **пошел**? Никуда я **не пошел**, я пошел сразу домой.

*Dove **sarò** [БЫТЬ.AUX.FUT.1SG] (**mai**) **andato** [идти.РТСР]? non sono andato da nessuna parte, sono tornato subito a casa.*

На границе дубитативных и игноративных употреблений находятся такие контексты, в которых пересказа чужих слов как такового нет совсем:

## (54) Болгарский [БНК]

*Задавах ѝ въпроси като например при кого **ще** [AUX.FUT] **е** [быть.AUX.3SG] **отишъл** [уйти.РТСР] да живее Каин в страната Нод, щом майка му и баща му са били първите хора на земята, но после реших, че е жестоко от моя страна, и престанах.*

‘Я задавал ей вопросы, например, такие: к кому Каин отправился в страну Нод, когда его мать и отец были первыми людьми на земле? но потом я подумал, что это жестоко с моей стороны, и я остановился’.

С игноративом такие употребления сближает то, что говорящий задает частный вопрос, как бы демонстрируя собеседнику незнание одного из аспектов ситуации, однако на самом деле цель говорящего — выразить сомнение, сообщить, что такой ситуации вообще не могло быть.

## 8. Миративные стратегии

Миративные стратегии предбудущего, как и дубитативные, относятся к далекой семантической периферии предбудущего: они возможны далеко не во всех рассмотренных языках. Лишь единичные примеры найдены во французском, итальянском, албанском и болгарском. Несмотря на то, что миративность не принадлежит ни семантической зоне эвиденциальности, ни семантической зоне модальности, мы рассматриваем такие употребления предбудущего в одном ряду с модально-эвиденциальными и непосредственно сразу после дубитативных, поскольку и те, и другие можно отнести к экспрессивно-оценочным (иногда они так и называются в литературе, посвященной предбудущему, см. обзор литературы в [Шишова 2014]).

Источником миративных интерпретаций предбудущего, как и собственно эвиденциальных употреблений, судя по всему, является выражение эпистемической дистанции: говорящий с помощью предбудущего как бы разделяет себя до получения некоторого неожиданного знания и себя после, откладывая момент принятия, осознания ситуации, противоречащей его картине мира и его ожиданиям, в будущее (см. выше «отложенная реализация»). Такое употребление, в отличие от дубитативного, при котором также может выражаться удивление, не связано с оценкой ситуации как маловероятной.

Согласно [Buchholz, Fiedler 1987: 147; Морозова 2016], миративные стратегии предбудущего, ограниченные контекстом первого лица, возможны в албанском который, как известно, имеет наряду с этим и грамматикализованный адмиратив:

## (55) Албанский

*Siç duket puna do [AUX.FUT] **kem** [иметь.SBJV.PRS.1SG] **lindur** [родиться.РТСР] poet!*

‘Похоже, я **родился** поэтом!’

Чрезвычайно редкие примеры миративного предбудущего найдены в болгарской литературе и в итальянских переводах:

## (56) Болгарский [Деянова 1976: 292]

*Няма ми кожуха, ни калимявката!.. — каза попът въздивен. — Оня **ще** [AUX.FUT] **ги е** [быть.AUX.3SG] **откраднал** [украсть.РТСР]! — каза Шериф ага, с вид на човек, който прави голямо откритие. (И. Вазов)*

‘У меня нет ни тулупа, ни шапки! — сказал священник удивленно. — Он их **украл!** — сказал ага Шериф с видом человека, который совершил большое открытие’.

## (57) Итальянский [НКРЯ]

*“Dove ha passato la notte?”, chiese Artur. “Mica **avrà** [AUX.FUT.3SG] **dormito** [спать.РТСР] qui, sulla panchina? Sa, è che lei non conosce la zona, e al giorno d’oggi c’è certa gente in giro...” [Viktor Pelevin. La vita degli insetti (Valerio Piccolo)]*

— *Где же вы ночевали?* — спросил Артур. — *Неужели прямо на лавке? Тут ведь места для вас незнакомые, а народ сейчас знает какой...* [Виктор Пелевин. Жизнь насекомых (1993)]

Употребления предбудущего, близкие к митаривным, известны в современном французском (их иногда называют стилистическими или экспрессивными). В этих примерах удивление сопряжено с негативной оценкой ситуации, нежеланием говорящего ее принять:

Французский [Gamillscheg 1957]

- (58) *Quoi, j'aurai* [AUX.FUT.1SG] *perdu* [потерять.РТСР] *cette somme!*  
‘Что, я **потерял(а)** эту сумму?’
- (59) *J'aurai* [AUX.FUT.1SG] *fait* [делать.РТСР] *tout cela pour qu'un gamin me manqué de respect!*  
‘Я **сделал(а)** все это для какого-то не уважающего меня мальчишки!’
- (60) *J'aurai* [AUX.FUT.1SG] *fait* [делать.РТСР] *tout ça pour rien!*  
‘Я **сделал(а)** все это напрасно!’

Нельзя не принимать во внимание некоторое парадоксальное сближение таких употреблений с ирреализмом, ср. комментарий Гака: «Эта транспозиция основана на том, что будущее время менее актуализовано, чем прошедшее, и употребляя его, говорящий как бы переводит нежелательное действие в план нереальности» [Гак 2004: 349]. Для французского в целом отмечается существенное взаимодействие предбудущего с кондиционалом: в одной из своих дискурсивных функций предбудущее также может употребляется как «conditionnel de presse», а в форме первого лица и вовсе наблюдается смешение обеих форм ([Шишова 2014]; О. Азам, личное сообщение).

В митаривных контекстах информанты более склонны употреблять предбудущее, если ситуация оценивается как нежелательная (перевод с помощью предбудущего встречается в литовских, латышских, итальянских, французских, чакавских, болгарских<sup>3</sup> и румынских анкетах), нежели в ситуациях, имеющих положительную оценку (только у литовских и итальянских информантов), ср.:

- (61) ЧАКАВСКИЙ [анкета]  
*ājme mēni, bīču* [быть.FUT.1SG] *izgubī* [потерять.РТСР] *pāšuš.*  
[A и B в аэропорту. B не может найти свой паспорт.] ‘Боже, я **потерял** паспорт!’
- (62) ЛИТОВСКИЙ [анкета]  
*Pasirodo, aš būsiu* [быть.AUX.FUT.1SG] *laimėjęs* [выиграть.РТСР] *milijoną!*  
‘Оказывается], я **выиграл** миллион!’

## 9. Ситуация незнания (игноратив)

В таких контекстах предбудущее называет некоторую ситуацию, в реальности которой говорящий не сомневается, однако не все аспекты этой ситуации ему известны, ср.:

- (63) ИТАЛЬЯНСКИЙ [НКРЯ]  
*'Pater Seraphicus: lo avrà* [иметь.AUX.FUT.3SG] *preso* [взять.РТСР] *da qualche libro, da dove?* ‘gli passò per la mente. [Fedor Dostoevskij. Il grande inquisitore (Serena Vitale)]  
„Pater Seraphicus“ — это имя он откуда-то **взял** — откуда? — промелькнуло у Алеши. [Ф. М. Достоевский. Великий инквизитор (1879)]

<sup>3</sup> В современном болгарском языке в таких контекстах, по-видимому, все более типична конструкция с частицей *да не би* (см. выше п. 1.2) [Иванова, Бужаровска 2016].

Иногда совместно с таким неполным знанием может выражаться несоответствие ожиданиям говорящего и его «эпистемическое бессилие» — неспособность до конца понять, объяснить для себя полученную информацию (что отчасти сближает такие контексты с митаривными), ср.:

(64) Итальянский [НКРЯ]

*Dove l'avrà* [иметь.AUX.FUT.3SG] *pescato* [поймать.ПТСР], *il diavolo lo sa!* [Mikhail Bulgakov. Il Maestro e Margherita (p. 1) (Vera Dridso, 1967)]

*Откуда он его выкопал, черт его знает!* [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (ч. 1) (1929–1940)].

Согласно данным анкетирования, в вопросительных предложениях такие стратегии у предбудущего возможны во многих из анализируемых языков: в болгарском, литовском, итальянском, французском и румынском (ср. (65)), тогда как в зависимых клаузах — только в итальянском и французском, ср. (66).

(65) Литовский [анкета]

*Kažin kur bus* [быть.AUX.FUT.3SG] *ji radusi* [найти.ПТСР]?

[А на вечеринке с новым парнем. В говорит С:] 'Где это она его **нашла**'?

(66) Итальянский [анкета]

*Dove sarà* [быть.AUX.FUT.3SG] *andato* [ходить.ПТСР], *non lo so*.

'Понятия не имею, куда он **ходил**'.

В последнем случае почти все литовские информанты использовали форму плюсквам-перфекта. Для немецкого, латышского и чакавского такое употребление предбудущего во все нехарактерно.

## 10. Выводы

Обобщим результаты проведенного исследования в таблице. Типы употребления, которые были обнаружены у предбудущего в корпусе, указываются до знака «/»; такие, которые подтверждены анкетой, — после знака «/». Отсутствие знака «/» автоматически означает, что приводятся только данные анкетирования. Полужирным выделены те типы контекстов, в которых предбудущее использовалось всеми или почти всеми информантами. Скобки до знака «/» означают единичные примеры в корпусе, после знака «/» — случаи использования предбудущего единичными информантами.

На основании представленных в таблице данных можно заключить, что набор модально-эвиденциальных стратегий предбудущего в разных языках Европы более-менее универсален. Предбудущее в эпистемических употреблениях сопоставимо с невизуальными эвиденциальными показателями, видимо, поэтому для предбудущего в гораздо меньшей степени характерны дубитативные и вовсе нехарактерны ренарративные употребления.

Проведенное исследование не демонстрирует наличия каких-либо ярких ареальных особенностей в употреблении эпистемического предбудущего. Наибольшей широтой характеризуется предбудущее в итальянском, наименьшей — в немецком и новогреческом. По данным анкет, отчетливо выделяется балканский центр (албанский и новогреческий), носители этих языков менее всего склонны к модально-эвиденциальному употреблению предбудущего. Среди анкет информантов — носителей балканских языков (болгарского, новогреческого, албанского) преобладают такие, в которых предбудущее в эпистемическом употреблении не встречается вовсе. Однако в корпусе албанского языка эпистемическое предбудущее представлено довольно широко [Морозова 2016]. По-видимому, для болгарского и новогреческого такая ситуация объясняется наличием эпистемических



Таблица

**Семантика форм предбудущего с референцией к прошлому  
в некоторых языках Европы**

	Итал.	Франц.	Литов.	Лтш.	Нем.	Болг.	Чак.	Рум.	Новогр.	Алб.
Внутренний опыт говорящего	+/+	+/+	+	+/+	-/-	-/(+)	+	(+)	-	-
Неконтролируемые/ неосознанные действия	+/+	+/+	+	+/+	-/+	-/(+)	+	+	-	-
Презумптив	+/+	+/+	+	+/+	+(+)	+/+	(+)	+	+	+/-
Диалог с читателем	+/+	+/+	-/+	-/(+)	-/(+)	-/(+)	-	(+)	-	-
Инферентив	+/+	+/+	+	+/+	+(+)	+/+	+	+	-	+/-
Ситуация незнания («игноратив»)	+/+	-/(+)	(+)	-/-	-/-	-/(+)	-	+	-	-
Миратив	+/+	-/(+)	+	-/(+)	-/-	+/-	(+)	(+)	-	+/-
Дубитатив	+/+	-/-	-	-/-	(+)/-	+/-	-	-	-	+/-

**Примечания.** Албанские корпусные данные даны по исследованию М. Морозовой [2016]. Чак. — чакавский диалект сербохорватского.

конструкций типа болг. *ще да*, а для албанского — широким диапазоном употреблений адмиратива. Такая же ситуация наблюдается и в анкетах носителей немецкого языка, что, по-видимому, свидетельствует о выходе конструкции из употребления.

При этом прямой зависимости широты спектра модально-эвиденциальных стратегий предбудущего от наличия или отсутствия в языке грамматикализованной (или даже слабограмматикализованной) эвиденциальности все же не обнаруживается: итальянский и новогреческий, не имеющие грамматических показателей эвиденциальности, различаются в этом отношении радикально.

В сфере референции к прошлому предбудущее может конкурировать не только с перфектом (в том числе модальным) и лексическими эпистемическими маркерами, но и с кондиционалом, плюсквамперфектом и некоторыми другими слабограмматикализованными эпистемическими конструкциями.

### СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо  
 AUX — вспомогательный глагол  
 DUB — дубитатив  
 FUT — будущее время  
 GER — герундий  
 INF — инфинитив  
 MIR — миратив  
 NEG — отрицание

PL — множественное число  
 PRF — перфект  
 PRS — презенс  
 PTCL — частица  
 PTCP — причастие  
 SG — единственное число  
 SVJV — сослагательное наклонение

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- БНК — Национальный корпус болгарского языка. URL: <http://search.dcl.bas.bg/>.  
 НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>.  
 РБПК — Параллельный корпус русских и болгарских текстов. URL: [http://rbcorpus.com/index\\_rus.php](http://rbcorpus.com/index_rus.php).  
 Супр. — Заимов Й., Капалдо М. Супраслъски или ретков сборник. Т. I–II. София: Издателство на Българската академия на науките, 1982.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Гак 2004 — Гак В. Г. *Теоретическая грамматика французского языка*. М.: Добросвет, 2004. [Gak V. G. *Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka* [Theoretical grammar of French]. Moscow: Dobrosvet, 2004.]
- Герджиков 1984 — Герджиков Г. *Преизказването на глаголното действие в българския език*. София: Наука и изкуство, 1984. [Gerdzhikov G. *Preizkazvaneto na glagolното dejstvie v bălgarskija jezik* [Renaming verbal action in Bulgarian]. Sofia: Nauka i Izkustvo, 1984.]
- Деянова 1976 — Деянова М. Към характеристиката на новобългарското бъдеще предварително време. *Помагало по българска морфология. Глагол*. Пашов П., Ницолова Р. (ред.). София: Наука и изкуство, 1976, 287–293. [Dejanova M. Characterizing the Bulgarian Future Anterior. *Pomagalo po bălgarska morfologija. Glagol*. Pashov P., Nicolova R. (eds.). Sofia: Nauka i Izkustvo, 1976, 287–293.]
- Добрушина 2006 — Добрушина Н. Р. Грамматические формы и конструкции со значением опасения и предостережения. *Вопросы языкознания*, 2006, 2: 28–67. [Dobrushina N. R. Grammatical forms and constructions with the meaning of fear and caution. *Voprosy Jazykoznanija*, 2006, 2: 28–67.]
- Иванова 2016a — Иванова Е. Ю. Система будущих времен в болгарском языке: семантические переосмысления идеи следования. Доклад на рабочем совещании «*Типология футурально-перспективной семантической зоны*». Институт лингвистических исследований РАН, СПб., 2016. [Ivanova E. Yu. The system of future tenses in Bulgarian: Semantic reanalyses of the notion of subsequence. Talk at the workshop “*Typology of the future-prospective semantic domain*”. Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, 2016.]
- Иванова 2016b — Иванова Е. Ю. Болгарская частица *да не би* как маркер apprehensiva (на материале Болгарского национального корпуса и параллельного русско-болгарского корпуса). «*Корпусные подходы к балканским языкам и диалектам*». Институт лингвистических исследований РАН, СПб., 2016. [Ivanova E. Yu. Bulgarian particle *da ne bi* as an apprehensive marker: A study of Bulgarian National Corpus and Parallel Russian-Bulgarian Corpus. *Corpus approaches to Balkan languages and dialects*, Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, 2016.]
- Иванова, Алексова 2018 — Иванова Е. Ю., Алексова К. С. Грамматикализация *ще* в болгарском языке: следование, предположение, но не только... *Славянский мир: язык, литература, культура*. Ремнёва М. Л. и др. (ред.). М.: МАКС Пресс, 2018, 105–109. [Ivanova E. Yu., Aleksova K. S. Grammaticalization of *šte* in Bulgarian: Consequence, assumption, and more. *Slavyanskii mir: yazyk, literatura, kul'tura*. Remneva M. L. et al. (eds.). Moscow: MAKS Press, 2018, 105–109.]
- Иванова, Бужаровска 2016 — Иванова Е. Ю., Бужаровска Э. Эпистемические вопросительные частицы *да не* в македонском и *да не би* в болгарском языках. *Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции*. Вып. 3. Коношенко М. Б., Лютикова Е. А., Циммерлинг А. В. (ред.). Москва: МПГУ, 2016, 150–168. [Ivanova E. Yu., Buzharovska E. Epistemic question particles *da ne* in Macedonian and *da ne bi* in Bulgarian. *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii*. No. 3. Konoshenko M. B., Lyutikova E. A., Zimmerling A. V. (eds.). Moscow: Moscow Pedagogical State Univ., 2016.]
- Ковачевић 2008 — Ковачевић М. Конкурентност двају футура и перфективног презента у савременом српском језику. *Зборник Матице српске за славистику*, 2008, 73: 195–211. [Kovačević M. The competition between the two Futures and Present Perfective in Modern Serbian. *Zbornik Matice srpske za slavistiku*, 2008, 73: 195–211.]
- Ковачевић 2009 — Ковачевић М. Употреба футура II у простој реченици. *Српски језик — студије српске и словенске*, 2009, 14: 65–76. [Kovačević M. The usage of Future II in simple sentence. *Srpski jezik — studije srpske i slovenske*, 2009, 14: 65–76.]

- Комар 2009 — Комар Г. Ж. *Бока Которска: ћирилски споменци 17. 18. и 19. вијека (Acta Serbica)*. Херцег-Нови: Друштво за архиве и повјесницу херцегновску, 2009. [Komar G. Ž. *Boka Kotorska: ćirilski spomenici 17. 18. i 19. vijeka (Acta Serbica)*. Herceg Novi: Society for Archives and History of Herceg Novi, 2009.]
- Майсак, Мерданова 2003 — Майсак Т. А., Мерданова С. Р. Будуще време в агульском языке в типологической перспективе. *Вопросы языкознания*, 2003, 6: 76–107. [Maisak T. A., Merdanova S. R. The future tense in the Agul language: A typological study. *Voprosy Jazykoznanija*, 2003, 6: 76–107.]
- Макарцев 2013 — Макарцев М. М. *Эвиденциальность в пространстве балканского текста*. СПб.: Нестор-История, 2013. [Makartsev M. M. *Evidential 'nost' v prostranstve balkanskogo teksta*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2013.]
- Мирчева 2001 — Мирчева Е. Нови данни за употребата и значението на бъдеще предварително в българския език. *Език и история на българските средновековни текстове. Сборник в чест на Екатерина Дограмаджиева*. (Кирило-Методиевски студии, 14.) София: КМНЦ-БАН, 2001, 146–151. [Mircheva E. New data on the usage and meaning of Bulgarian Future Anterior. *Jezik i istorija na bǎlgarskite srednovjekovni tekstove. Sbornik v chest na Ekaterina Dogramadzhieva*. (Kirilo-Methodievski Studii, 14.) Sofia: Cyrillo-Methodian Research Center, 2001, 146–151.]
- Морозова 2016 — Морозова М. Футуральный перфект в албанском. Доклад на рабочем совещании «Типология футурально-проспективной семантической зоны». Институт лингвистических исследований РАН, СПб., 8–10 декабря 2016 г. [Morozova M. Future Perfect in Albanian. Talk at the workshop “*Typology of the future-prospective semantic domain*”. Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, 2016 December 8–10.]
- Ницолова 2007 — Ницолова Р. Моделизованная эвиденциальная система болгарского языка. *Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой*. Храковский В. С. (ред.). СПб.: Наука, 2007, 105–195. [Nicolova R. Modalized evidential system of Bulgarian. *Evidential 'nost' v yazykakh Evropy i Azii. Sbornik statei pamyati Natalii Andreevny Kozintsevoi*. Hrakovskij V. S. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 2007, 105–195.]
- Ницолова 2008 — Ницолова Р. *Българска граматика. Морфология*. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2008. [Nicolova R. *Bǎlgarska gramatika. Morfologija* [Bulgarian grammar. Morphology]. Sofia: “Sv. Kliment Ohridski”, 2008.]
- Пенькова 2016 — Пенькова Я. А. Семантика славянского второго будущего и некоторые типологические параллели. *Труды Института русского языка*, 2016, 10: 475–488. [Pen'kova Ya. A. Semantics of the Slavic future perfect and several typological parallels. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2016, 10: 475–488.]
- Пенькова 2017 — Пенькова Я. А. К истории славянского второго будущего: пути семантической эволюции. [Pen'kova Ya. A. Towards the history of Slavic Future II: Routes of semantic evolution.] *Die Welt der Slaven*, 2017, 62(2): 247–275.
- Пенькова 2018а — Пенькова Я. А. От ретроспективности к проспективности: грамматикализация предбудущего в языках Европы. *Вопросы языкознания*, 2018, 2: 53–70. [Pen'kova Ya. A. From retrospective to prospective: Grammaticalization of future anterior in the languages of Europe. *Voprosy Jazykoznanija*, 2018, 2: 53–70.]
- Пенькова 2018б — Пенькова Я. А. Славянское второе будущее: семантика, структурные особенности и эволюция. *Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 2018. Доклады российской делегации*. М.: Исл РАН, 2018, 225–243. [Pen'kova Ya. A. Slavic Future II: Semantics, structural features and evolution. *Slavyanskoe yazykoznanie. XVI Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Belgrad, 2018. Doklady rossiiskoi delegatsii*. Moscow: Institute of Slavic Studies (RAS), 2018, 225–243.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Сичинава 2017 — Сичинава Д. В. Аналитические временные формы с участием перфекта в конкуренции с другими временами в древнерусских текстах. *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2017, 69(3): 126–127. [Sitchinava D. V. Analytical perfect-based tense forms competing with other tenses in Old Russian texts. *Drevnyaya Rus'.* *Voprosy Medievistiki*, 2017, 69(3): 126–127.]
- Сичинава 2018 — Сичинава Д. В. Плюсquamперфект и связанные с ним формы в славянских языках: типологические и ареальные характеристики. *Славянское языкознание. XVI Международный*

- сьезд славистов. Белград, 2018. Доклады российской делегации. М.: ИСл РАН, 2018, 244–266. [Sitchinava D. V. Pluperfect and the related forms in Slavic languages: Typological and areal characteristics. *Slavyanskoe yazykoznanie. XVI Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Belgrad, 2018. Doklady Rossiiskoi delegatsii*. Moscow: Institute of Slavic Studies (RAS), 2018, 244–266.]
- Сичинава, в печати — Сичинава Д. В. Семантическая эволюция предбудущего в романских языках в типологическом контексте. *Вопросы языкознания*, в печати. [Sitchinava D. V. Semantic evolution of Romance future anterior in typological context. *Voprosy Jazykoznanija*, in print.]
- Стевановић 1986 — Стевановић М. *Савремени српскохрватски језик*. Т. II. Београд: Научна књига, 1986. [Stevanović M. *Savremeni srpskohrvatski jezik* [The Modern Serbo-Croatian language]. Vol. II. Beograd: Naučna Knjiga, 1986.]
- Хабургаев 1974 — Хабургаев Г. А. *Старославянский язык*. М.: Просвещение, 1974. [Khaburgaev G. A. *Staroslavjanskij yazyk* [The Old Slavonic language]. Moscow: Prosveshchenie, 1974.]
- Ханзен 2007 — Ханзен Б. Эвиденциальность в немецком языке. *Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой*. Храковский В. С. (ред.). СПб.: Наука, 2007, 241–252. [Hansen B. Evidentiality in German. *Evidential'nost' v yazykakh Evropy i Azii. Sbornik statei pamyati Natalii Andreevny Kozintsevoi*. Xrakovskij V. S. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 2007, 241–252.]
- Шендельс 1970 — Шендельс Е. И. *Многозначность и синонимия в грамматике (на материале глагольных форм современного немецкого языка)*. М.: Высшая школа, 1970. [Shendel's E. I. *Mnogoznachnost' i sinonimija v grammatike (na materiale glagol'nykh form sovremennogo nemetskogo yazyka)* [Polysemy and synonymy in grammar: A study of verbal forms in Modern German]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1970.]
- Шишова 2014 — Шишова А. Д. *Дискурсивный анализ функционирования глагольных форм в современном французском языке*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2014. [Shishova A. D. *Diskursivnyi analiz funkcionirovaniya glagol'nykh form v sovremenном frantsuzskom yazyke* [Discursive analysis of functioning of verbal forms in Modern French]. Ph.D. diss. Moscow: Moscow State Univ., 2014.]
- Aikhenvald 2004 — Aikhenvald A. Y. *Evidentiality*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004.
- Buchholz, Fiedler 1987 — Buchholz O., Fiedler W. *Albanische Grammatik*. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1987.
- Arkadiev, Wiemer, in prep. — Arkadiev P., Wiemer B. Perfects in Baltic and Slavic. Crellin R., Jügel Th. (eds.). *Perfects in Indo-European languages*. Vol. II: *The later history of perfects in IE languages*. Amsterdam: John Benjamins, in prep.
- Comrie 1985 — Comrie B. *Tense*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1985.
- Dahl 2000 — Dahl Ö. (ed.). *Tense and aspect in the languages of Europe*. Berlin: Walter de Gruyter, 2000.
- DeLancey 1997 — DeLancey S. Mirativity: The grammatical marking of unexpected information. *Linguistic Typology*, 1997, 1: 33–52.
- DeLancey 2012 — DeLancey S. Still mirative after all these years. *Linguistic Typology*, 2012, 16: 529–564.
- Duarte 2010 — Duarte I. M. Le futuro perfeito português : inscription textuelle discrète de discours rapporté. *Directions actuelles en linguistique du texte, actes du colloque international. Le texte : modèles, méthodes, perspectives*. Florea L.-S., Papahagi Cr., Pop L., Curea A. (eds.). Cluj-Napoca: Casa Cărții de Știință, 2010, 75–84.
- Duchet 1995 — Duchet J.-L. The Albanian tense system. *Tense systems in European languages II*. Thieroff R. (ed.). Tübingen: Max Niemeyer, 1995, 253–275.
- Friedman 1997a — Friedman V. A. On the number of paradigms in the Romanian presumptive mood (modul prezumtiv). *Studii și Cercetări Lingvistice*, 1997, 48(1–4): 173–179.
- Friedman 1997b — Friedman V. A. A contrastive view of subordinate aspect and the opposition confirmative/non-confirmative in the Balkans with particular reference to Macedonian and Turkish. *Balkanistica*, 1997, 10: 185–201.
- Friedman 1998 — Friedman V. A. The grammatical expression of presumption and related concepts in Balkan Slavic and Balkan Romance. *American contributions to the Twelfth International Congress of Slavists*. Flier M., Timberlake A. (eds.). Bloomington: Slavica Publ., 1998, 390–405.
- Gamillscheg 1957 — Gamillscheg E. *Historische französische Syntax*. Tübingen: Max Niemeyer, 1957.
- Haase 1995 — Haase M. Tense, aspect and mood in Romanian. *Tense systems in European languages II*. Thieroff R. (ed.). Tübingen: Max Niemeyer, 1995, 135–152.
- Hedin 1995 — Hedin E. The tense-aspect system of modern Greek. *Tense systems in European languages II*. Thieroff R. (ed.). Tübingen: Max Niemeyer, 1995, 233–252.

- Mitkovska et al. 2017 — Mitkovska L., Vužarovska E., Ivanova E. Ju. Apprehensive-epistemic *da*-constructions in Balkan Slavic. *Slověne* = *Словѣне*. *International journal of Slavic Studies*, 2017, 6(2): 57–83.
- Plungian 2001 — Plungian V. A. The place of evidentiality within the universal grammatical space. *Journal of Pragmatics*, 2001, 33: 349–357.
- Plungian 2010 — Plungian V. A. Types of verbal evidentiality marking: an overview. *Linguistic realization of evidentiality in European languages*. Diewalt G., Smirnova E. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2010, 15–58.
- Rusakov 2015 — Rusakov A. Albanian Supercompound verb forms: A corpus-based study. *Balkanistica*, 2015, 28 (Од Чикаго и назад. Papers to honor Victor A. Friedman on the occasion of his retirement): 435–470.
- Van der Auwera, Plungian 1998 — van der Auwera J., Plungian V. A. Modality's semantic map. *Linguistic Typology*, 1998, 2: 79–124.
- Vater 1975 — Vater H. Werden als Modalverb. *Aspekte der Modalität*. (Studien zur deutschen Grammatik, 1.) Calbert I. P., Vater H. (eds.). Tübingen: G. Narr, 1975, 71–148.
- Vuković 2014 — Vuković P. Futur drugi u suvremenom hrvatskom jeziku. *Jezik: Časopis za kulturu hrvatskoga književnog jezika*, 2014, 61(3): 81–94.
- Weber 1989 — Weber D. J. *A grammar of Huallaga (Huánuco) Quechua*. Berkeley (LA): UC Press, 1989.

Получено / received 24.11.2018

Принято / accepted 14.05.2019